

УДК 343.8

С.В. Чубраков

**ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ И ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ
КАК ПРИНЦИП УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА:
ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ**

Статья посвящена проблеме понимания такого принципа уголовно-исполнительного права, как дифференциация и индивидуализация исполнения наказаний. Рассматриваются существующие в современной уголовно-исполнительной литературе трактовки содержательного наполнения принципа, его отраслевой принадлежности, соотношения с принципом равенства осужденных, а также проблемы реализации.

Ключевые слова: *принципы уголовно-исполнительного права, дифференциация и индивидуализация исполнения наказания, равенство осужденных, уголовно-исполнительное регулирование*

Уголовно-исполнительный кодекс РФ в ст. 8 только перечислил принципы уголовно-исполнительного законодательства, не конкретизируя их содержание (в отличие, например, от действующего Уголовного кодекса РФ). Тем самым были созданы условия для широкого и свободного их доктринального толкования в современной уголовно-исполнительной литературе. Это, в свою очередь, привело не только к различной трактовке содержания отдельных принципов (которые как базовые категории должны быть совершенно ясными и в целом одинаково понимаемыми всеми), но также и к неопределенности в том, принципами чего же собственно они являются (отрасли права, законодательства, политики и т.д.). Это в полной мере справедливо в том числе и для принципа дифференциации и индивидуализации исполнения наказания. Здесь в современной уголовно-исполнительной литературе можно видеть следующую общую картину относительно его понимания.

А.И. Зубков исходил из того, что принцип дифференциации и индивидуализации исполнения наказания включает в свое содержание другой принцип – рациональное применение мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирование их правопослушного поведения, поскольку последний является следствием проведенных дифференциации и индивидуализации личности самих осужденных. По его мнению, дифференциация осужденных осуществляется распределением их по определенным группам путем классификации по разным основаниям (возрасту, состоянию здоровья, поведению и т.д.) на протяжении всего периода отбывания наказания. В рамках каждой группы необходимо выявлять индивидуальные особенности личности каждого осужденного и, в зависимости от совокупности всех факторов, индивидуально применять комплекс мер принуждения и стимулирования их правопослушного поведения [1, с. 16–17]. Исходя из данной А.И. Зубковым интерпретации принципа равенства [1, с. 16], можно прийти к выводу, что дифференциация и индивидуализация исполнения наказания является, по сути, законным и необходимым

исключением из общих требований равенства осужденных перед законом.

В.И. Селиверстов и И.В. Шмаров, полагая, что этот межотраслевой принцип является производным от принципа уголовного права – дифференциации и индивидуализации ответственности (ст. 6 УК РФ), говорят о том, что в уголовно-исполнительном праве он выражается в дифференциации и индивидуализации исполнения и отбывания наказания. При этом дифференциация исполнения наказания, по их мнению, нашла свое закрепление, в частности, в ст.ст. 74, 78 УИК РФ и означает, что к различным категориям осужденных в зависимости от тяжести совершенных преступлений, их прошлой преступной деятельности, формы вины, поведения в процессе отбывания наказания применяется принудительное воздействие и ограничение в правах в различных объемах. Индивидуализация исполнения наказания, закрепленная в ч. 3 ст. 9 УИК РФ, предполагает учет уже не групповых, а индивидуальных особенностей личности осужденного при отбывании наказания и реализуется путем изменения правового статуса осужденного в зависимости от поведения при применении мер поощрения и взыскания [2, с. 17]. В соответствии с данным толкованием указанными исследователями содержания принципа равенства [2, с. 17] дифференциация и индивидуализация исполнения наказания по факту также представляет собой исключение из постулата о равенстве осужденных перед законом, которое воплощается прежде всего в рамках разных условий отбывания наказаний (которые могут и должны быть неравными).

С.И. Курганов считает, что такой межотраслевой принцип, как дифференциация и индивидуализация исполнения наказания, означает, что при исполнении наказания к осужденным должен применяться разный объем правоограничений (кары) в зависимости от пола, возраста, категории совершенного преступления, формы вины, прошлой преступной деятельности (дифференциация), а также с учетом личности и поведения осужденного (индивидуализация). По его мнению, реализацию этого принципа можно усмотреть в нормах ст. 58 УК РФ, ст.ст. 74,

78, 113, 115, 134, 136 УИК РФ и др. [3, с. 19]. Соотношение требований дифференциации и индивидуализации исполнения наказания с требованиями равенства осужденных перед законом он определяет следующим образом: поскольку принцип равенства состоит из двух сторон – уравнительной и распределительной, то предоставление наиболее незащищенным категориям осужденных (несовершеннолетним, больным) каких-либо преимуществ, равно как и предоставление поощрений положительно характеризующимся осужденным, не влечет нарушения этого принципа [3, с. 18–19].

В соответствии с позицией С.М. Зубарева, отраслевой принцип дифференциации и индивидуализации исполнения наказания, пронизывая практически все нормы уголовно-исполнительного права и обеспечивая реализацию целей уголовного наказания в отношении конкретного осужденного, представляет собой единый, взаимообусловленный и взаимосвязанный процесс, позволяющий скорректировать исправительное воздействие в зависимости от групповых и индивидуальных признаков осужденных. Причем дифференциация осужденных предполагает распределение их по группам в процессе отбывания наказания, которое осуществляется по уголовно-правовым и уголовно-исполнительным критериям и заключается в различном объеме применяемых правоограничений и средств исправления к различным группам (категориям) осужденных в зависимости от определенных условий, главным среди которых является их поведение во время отбывания наказания. В частности, реализацию дифференциации осужденных к лишению свободы можно усмотреть в положениях ст.ст. 74, 78, 80, 87, 120, 122, 124, 127, 130, 132 УИК РФ. Индивидуализация же исполнения наказания предполагает учет не только групповых, но и индивидуальных особенностей личности осужденного (его положительных и отрицательных качеств) [4, с. 73–74]. Фактически С.М. Зубарев также придает этому принципу статус обоснованного исключения из принципа равенства осужденных [4, с. 73].

Согласно точке зрения А.А. Толкаченко, принцип дифференциации и индивидуализации исполнения наказания, являясь отраслевым, углубляет уголовно-правовые установления. При этом характеристику содержания принципа он фактически заимствует у В.И. Селиверстова и И.В. Шмарова [5, с. 9]. Вместе с тем А.А. Толкаченко не разъясняет, как соотносится разделяемое им при рассмотрении принципа равенства отсутствие в уголовно-исполнительном законодательстве каких-либо преимуществ в зависимости в том числе от пола [5, с. 8–9] с возможностью подобных преимуществ в рамках дифференциации и индивидуализации исполнения наказания.

Авторы Комментария к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации [6, с. 34–35], в число которых входят Ю.В. Белянинова, С.В. Вели-

канова, Л.В. Дудкина и др., по данному принципу также фактически дословно воспроизводят точку зрения В.И. Селиверстова и И.В. Шмарова.

А.Я. Гришко так же, как и А.И. Зубков, полагает, что принцип дифференциации и индивидуализации исполнения наказания включает в свое содержание другой принцип – рациональное применение мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирование их правоупотребительного поведения – и сводится к необходимости группировки осужденных по определенным признакам с целью различного воздействия на них [7, с. 30–31].

По-иному подходит к этому принципу А.Я. Гришко в совместной работе с М.П. Мелентьевым [8, с. 201–203]. Принцип дифференциации и принцип индивидуализации исполнения наказания рассматриваются ими как отдельные межотраслевые принципы, имеющие функциональное единство. По мнению этих авторов, принцип дифференциации служит обеспечению реализации принципа социальной справедливости (ст. 6 УК РФ) и проявляется в установлении для разных категорий осужденных различных условий отбывания наказания, отличающихся объемом карательно-воспитательного воздействия. В частности, его проявление они усматривают в нормах УИК РФ, закрепляющих различные виды исправительных учреждений, а также предусматривающих возможность изменения условий отбывания наказания и вида исправительного учреждения. При этом А.Я. Гришко и М.П. Мелентьев пишут о возможности подразделения дифференциации на два вида: общую (которая значительно изменяет правовой статус осужденного) и дополнительную (для которой характерна корректировка условий отбывания наказания с незначительным изменением правового статуса осужденного). Принцип же индивидуализации исполнения наказания, в свою очередь, базируется на учете индивидуальных особенностей личности осужденного, его поведения и выражен в ч. 3 ст. 9 УИК РФ. Также ученые замечают, что правильнее было бы не разделять его на индивидуализацию назначения наказания и индивидуализацию исполнения наказания, а вести речь о едином межотраслевом принципе индивидуализации наказания [8, с. 201–203]. Данные авторы считают, что принцип дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний может корректировать принцип равенства осужденных перед законом, представляя собой законно установленное исключение из его требований [8, с. 199–201].

Позиция В.А. Уткина состоит в том, что принцип дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний, относясь к числу специальных (отраслевых), должен подразделяться на два взаимосвязанных, но самостоятельных принципа, распространяющихся на исполнение наказания «в широком смысле слова», включающем в себя и применение соединяемых с наказанием иных некарательных исправительно-предупредительных мер, а также на

реализацию иных мер уголовно-правового характера. Коротко их содержание можно изложить следующим образом. Дифференциация исполнения наказаний проявляется в установлении для различных категорий осужденных, выделенных на основе проведенной классификации по тем или иным однородным признакам (пол, возраст, наличие судимости, место жительства, состояние здоровья и т.п.), разных условий отбывания наказаний, отличающихся объемом и характером карательно-воспитательного и предупредительного воздействия. Предпосылкой уголовно-исполнительной дифференциации является уголовно-правовая, которая проводится судом при постановке обвинительного приговора. Индивидуализация исполнения наказаний – это обеспечение максимально возможного соответствия наказания и соединяемых с ним некарательных мер личности осужденного, характеру и тяжести совершенного преступления, а также его поведению в период отбывания наказания. Причем уголовно-правовые основания индивидуализации также содержатся в обвинительном приговоре суда и в дальнейшем подлежат изменению на основании норм уголовно-исполнительного права в лучшую либо худшую сторону в зависимости от поведения осужденного в процессе исполнения (отбывания) наказания [9, с. 103–107].

Н.В. Угольниковка приходит к выводу, что данный специальный принцип идентичен принципу справедливости (ст. 6 УК РФ) и является его выражением в уголовно-исполнительном праве. При этом она отмечает, что дифференцированное исполнение наказания осуществляется посредством разделения осужденных на однородные группы в зависимости от вида и режима наказания, пола, возраста, поведения и т.п., что позволяет создать оптимальные условия для предотвращения различных негативных проявлений. Индивидуализация же исполнения наказания, по ее мнению, достигается воспитательным и предупредительным воздействием (в том числе мерами поощрения и взыскания) на осужденного в процессе отбывания наказания на основе внимательного изучения особенностей его личности, характера и обстоятельств совершения преступления, жизненной ситуации, предшествующей осуждению, и т.п. [10, с. 29, 31–32]. Вопрос соотношения данного принципа и принципа равенства Н.В. Угольниковой по факту сводится к тем признакам, при наличии которых неравенство (соответственно, порожденное в том числе дифференциацией и индивидуализацией) недопустимо. К последним она относит имущественное положение, национальность, вероисповедание, физическую силу и другие подобного рода признаки [10, с. 26–27]. В то же время пол, возраст, поведение и т.п. признаки не могут быть препятствием для неравенства при формулировании разных условий исполнения наказаний.

По мнению Е.А. Сизой, дифференциация и индивидуализация исполнения наказания являются

двумя самостоятельными межотраслевыми принципами. Под первым принципом она считает необходимым понимать «распределение осужденных по группам, разрядам, категориям на основе признаков, которые указаны в законе или выработаны в практике исполнения наказаний, а также средств и методов, основанных на криминологии, пенитенциарной педагогике и психологии», а второй базируется на учете не групповых, а индивидуальных особенностей личности осужденного и сводится к «изменению объема содержания карательно-воспитательного воздействия в зависимости от поведения осужденного и степени его исправления» [11, с. 145–160]. Очевидную «несостыковку» данных утверждений с выводами, которые сделаны при рассмотрении принципа равенства [11, с. 133–144] (в том числе в части запрета любого неравенства в порядке и условиях при исполнении наказаний по признакам пола), Е.А. Сизая предлагает устранить путем внесения в проект предлагаемой ею статьи УИК РФ, регламентирующей содержание принципа равенства, дополнительной оговорки: за исключением случаев, специально предусмотренных законом.

Согласно точке зрения Л.М. Прокументова, верна позиция тех авторов, которые считают, что дифференциация и индивидуализация исполнения наказания, как принцип исправительно-трудового (уголовно-исполнительного) права, могут существовать самостоятельно. При этом он полагает, что дифференциацию следует оценивать в качестве межотраслевого, а не отраслевого принципа, который представляет собой определенный уровень обобщения, выделенный по единому основанию, называемый в науке классификацией. Применительно к уголовно-исполнительному праву дифференциация реализуется, например, через разделение осужденных на однородные группы в зависимости от пола, возраста, вида наказания; а в отношении лиц, осужденных к лишению свободы, – в зависимости от вида исправительного учреждения и конкретных условий (режима – для тюрем) пребывания осужденных. Соответственно по его позиции можно говорить, что это классификация осужденных, которая направлена на обеспечение дифференциации наказания в процессе его исполнения, реализующая объективную необходимость распределения неоднородного контингента осужденных на относительно однородные группы в целях их раздельного содержания; уменьшения или исключения негативного влияния лиц, совершивших тяжкие, особо тяжкие преступления, рецидивистов на лиц, совершивших преступления небольшой, средней тяжести, совершивших преступления впервые; исключения негативного влияния взрослых осужденных на несовершеннолетних и т.п. Такое распределение осужденных необходимо для того, чтобы обеспечить предусмотренный в законе объем карательно-воспитательного воздействия в отношении каждой группы осужденных для достижения целей уголовного наказания. В отличие от принципа

дифференциации, принцип индивидуализации исполнения наказания предусматривает учет не групповых, а индивидуальных особенностей осужденных, что нашло свое отражение в нормах действующего уголовно-исполнительного законодательства России (например, ч. 3 ст. 9, ст. 109, ст. 110 УИК РФ и др.) [12, с. 11–14].

О.Н. Зверева, рассматривая в кандидатской диссертации проблемы реализации принципа индивидуализации наказания при исполнении лишения свободы, относит данный принцип к числу межотраслевых. Она считает, что этот принцип определяет деятельность соответствующих органов и должностных лиц, связанную с индивидуальным подходом к лицу, совершившему преступление, при назначении вида и размера конкретного уголовного наказания с учетом его личности и всех обстоятельств совершенного деяния, а также при изменении правового положения осужденного в период отбывания наказания, исходя из его поведения и отношения к мерам исправительного воздействия, направленную на достижение целей, установленных уголовным и уголовно-исполнительным законодательством, при помощи соответствующих средств (среди которых важнейшим является классификация). Таким образом, О.Н. Зверева выделяет две составляющие этого принципа (стадии его реализации): индивидуализацию назначения наказания (которая реализуется в уголовном законодательстве), называя ее уголовно-правовой индивидуализацией, и индивидуализацию исполнения наказания (которая реализуется в уголовно-исполнительном законодательстве), называя ее уголовно-исполнительной индивидуализацией. При этом от понятия «индивидуализация» она отделяет тесно с ним взаимосвязанную, но самостоятельную категорию «дифференциация», которая, в отличие от первой (требующей учета индивидуальных личностных характеристик), предполагает разделение осужденных на определенные относительно однородные группы с целью создания для них необходимых условий исправления. О.Н. Зверева отмечает, что структуру принципа индивидуализации (и при назначении, и при исполнении) составляют такие элементы, как основание, субъекты, субъективная сторона, объекты, объективная сторона, цели и средства [13, с. 9, 11–15, 27–30, 188–190, 194].

Тем не менее изложенное в работе О.Н. Зверевой все же не позволяет определить четких границ той части принципа индивидуализации наказания, которая именуется «индивидуализацией исполнения наказания», и, в частности, ее отличия от дифференциации, которая, по мнению исследователя, реализуется судом лишь на стадии назначения наказания при определении вида исправительного учреждения. Также неясно и соотношение этого принципа с требованиями равенства осужденных перед законом.

Е.А. Вакарина, исследуя уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты дифференциации и индивидуализации наказания, а также средств их

достижения, в целом не останавливается на рассмотрении данных категорий с позиций проблем принципов отрасли права. Она приходит к выводу о том, что дифференциация и индивидуализация исполнения наказания являются взаимосвязанными, но самостоятельными категориями. При этом под дифференциацией она понимает процесс установления законодателем в уголовном законе пределов конкретных видов наказания за определенный вид преступления, а под индивидуализацией – обусловленную дифференциацией конкретизацию судом вида и размера меры государственного принуждения, назначенной лицу, совершившему преступление, в зависимости от юридически значимых особенностей данного преступления и его субъекта, а также изменение вида и объема репрессии в процессе исполнения наказания с учетом постпреступного поведения осужденного, которая осуществляется не только судом, но и учреждениями и органами, исполняющими наказания. Таким образом, по мнению Е.А. Вакариной, индивидуализация наказания осуществляется в два этапа: при его назначении и при его исполнении (отбывании), которые, как правило, рассматриваются автономно в уголовном и уголовно-исполнительном праве, что является менее эффективным. В качестве основных средств индивидуализации наказания на стадии его исполнения (отбывании) она указывает: изменение условий содержания осужденных в учреждениях, исполняющих наказания, проведение воспитательной работы с осужденными, а также применение условно-досрочного освобождения либо замены наказания более мягким. Задача индивидуализации при исполнении наказания – создание таких условий содержания в исправительных учреждениях и проведение с ними такой воспитательной работы, которые позволяют в максимальной степени достичь поставленные перед наказанием цели [14, с. 9–11, 29–30, 155–156, 179–181, 190–191].

В результате анализа рассмотренных выше концепций, представляющих основной спектр толкований принципа дифференциации и индивидуализации исполнения наказания в современном уголовно-исполнительном праве, можно констатировать, что многие проблемы остались нерешенными. Не сложилось достаточной общей ясности ни в том, является ли данный принцип одним, состоящим из двух частей, либо представляет собой два самостоятельных принципа; ни в отнесении его к отраслевым либо межотраслевым принципам; ни в том, какова разница между дифференциацией и индивидуализацией и какие границы имеют эти категории, а также каково их взаимоотношение; как они соотносятся с уголовно-правовой дифференциацией и индивидуализацией назначения наказания. Остался открытым и вопрос о соотношении этого принципа с принципом равенства осужденных (в том числе применительно к оценке принципа дифференциации и индивидуализации исполнения наказания как исключе-

ния из общих требований равенства, а также в части тех условий, которые могут быть положены в основу неравенства, и тех, которые никогда не должны порождать каких-либо различий). Существенно расходятся представления исследователей о видах наказаний, в которых должна реализовываться дифференциация и индивидуализация; в том, должна ли она касаться наказания в «узком смысле слова» либо распространяться и на иные соединяемые с наказанием воспитательно-предупредительные меры; применимы ли ее требования также к иным мерам уголовной ответственности, не являющимся наказанием, исполнение которых регулируется уголовно-исполнительным законодательством, ни во многом ином. Все это, безусловно, не позволяет сколь-нибудь определенно установить общепризнанное содержание этого принципа.

Особый научный и практический интерес, по нашему мнению, представляют вопросы взаимодействия рассматриваемого принципа с принципом равенства, поскольку дифференциация и индивидуализация исполнения наказания всегда связана с отступлением от общеконституционного принципа равенства, являясь, по сути, проявлением неравенства. Поэтому необходимо четкое понимание того, где, в каких случаях, при каких условиях и по каким признакам неравенство допустимо. По остаточному принципу во всех остальных ситуациях его быть не должно. Ответ на эти вопросы и будет очерчивать сферы действия требований равенства и требований различного объема карательно-воспитательного воздействия к неоднородному контингенту осужденных.

Также одним из отрицательных моментов, по нашему мнению, является и то, что, рассуждая о содержании принципа дифференциации и индивидуализации исполнения наказания, практически никто (пожалуй, за исключением только В.А. Уткина [9, с. 74–78]) не уточняет, не делает акцента на том, о принципе какого правового явления идет речь. Именно вопрос о том, принципом чего – отрасли права, законодательства, деятельности органов, правового регулирования или чего-то еще – является дифференциация и индивидуализация исполнения наказания, должен быть решен в первую очередь, поскольку без него дискуссия не будет иметь конструктивного характера. Только определившись с правовым явлением, которому может быть свойствен данный принцип, можно переходить к оценке доводов, подтверждающих его реальное наличие у него,

затем уясняя его содержание. Немаловажно, что все это должно осуществляться на основе заранее оговоренной методики, позволяющей понять ход рассуждений соответствующего автора, а не по общераспространенному ныне субъективному подходу («а я так думаю»).

Согласно общефилософским позициям и конкретно системным требованиям, принцип какой-либо вещи (объекта, явления) может быть рассмотрен в качестве некоего системообразующего отношения, реализующегося между ее элементами. Исходя из этого, считаем, что нет явных оснований для рассмотрения дифференциации и индивидуализации исполнения наказания в качестве принципа уголовно-исполнительного права и уголовно-исполнительного законодательства (поскольку подобные отношения не объединяют ни элементы уголовно-исполнительного права, ни элементы уголовно-исполнительного законодательства, создавая данные правовые явления). Представляется, что такой принцип (как системообразующее отношение) следует искать в рамках иного правового явления, а именно – в рамках уголовно-исполнительного правового регулирования. Поэтому полагаем, что продуктивнее будет сосредоточить внимание на определении элементов, из которых складывается уголовно-исполнительное регулирование, после чего выявить, какое значение при их объединении в это целое имеют отношения неравного подхода к осужденным при исполнении наказаний. Немаловажно, что это должно рассматриваться без отрыва, то есть одновременно с определением (выявлением) того, по каким признакам и при каких условиях в правовом регулировании нарушение равенства является недопустимым (то есть, когда правовое регулирование сквано требованиями равного подхода к осужденным). В итоге сквозь призму равенства и неравенства (с определением четких случаев существования одного или другого) можно будет выйти и на ясное описание того, по каким причинам, в каких ситуациях, в каком объеме и в каких видах при уголовно-исполнительном регулировании может и должно реализовываться неравенство. Такой подход приведет к определенным и более конкретным результатам современной дискуссии по пониманию дифференциации и индивидуализации исполнения наказания (которая, как нам видится, не очень удачно сформулирована ныне в качестве принципа уголовно-исполнительного законодательства).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Уголовно-исполнительное право России: теория, законодательство, международные стандарты, отечественная практика конца XIX – начала XXI века: учебник для вузов / под ред. А.И. Зубкова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2005. 720 с.*
2. *Уголовно-исполнительное право: учеб. для юрид. вузов / под ред. В.И. Селиверстова. 3-е изд., испр. и доп. М.: Юриспруденция, 2002. 368 с.*
3. *Бриллиантов А.В., Курганов С.И. Уголовно-исполнительное право Российской Федерации: учебник. М.: ТК Велби, Проспект, 2007. 344 с.*
4. *Зубарев С.М. Уголовно-исполнительное право: конспект лекций. 3-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт-Издат, 2006. 232 с.*

5. Уголовно-исполнительное право Российской Федерации: учебник для вузов / под ред. М.К. Кислицына. М.: НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА М), 2001. 272 с.
6. *Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации*. М.: Экзамен, 2005. 576 с.
7. *Постатейный комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации: по состоянию на 1 сент. 2007 г.*: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 021100 «Юриспруденция» / под ред. Ю.И. Калинина. М.: Илекса, 2007. 728 с.
8. *Уголовно-исполнительное право: учебник: в 2 т. Т. 1: Общая часть* / под общ. ред. Ю.И. Калинина. 2-е изд., испр. и доп. М.; Рязань: Логос; Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2006. 444 с.
9. *Российский курс уголовно-исполнительного права: в 2 т. Т. 1. Общая часть: учебник* / Е.А. Антоян, Ю.М. Антоян, С.А. Борсученко и др.; под ред. В.Е. Эминова, В.Н. Орлова. М.: МГЮА имени О.Е. Кутафина; ООО «Издательство «Элит»», 2012. – 696 с.
10. *Угольникова Н.В.* Уголовно-исполнительное право Российской Федерации: курс лекций. М.: ИНФРА М, 2002. 185 с.
11. *Сизая Е.А.* Принципы уголовно-исполнительного права: вопросы теории и практики: монография. Чебоксары: ЧКИ РУК, 2008. 384 с.
12. *Прокументов Л.М.* Принцип дифференциации и индивидуализации исполнения наказания в уголовно-исполнительном праве РФ // Проблемы теории уголовного наказания и его применения: Сб. материалов межрегиональной науч.-практич. конф. / под ред. В.А. Уткина. Томск: Изд-во «ТМЛ-Пресс», 2009. С. 11–14.
13. *Зверева О.Н.* Реализация принципа индивидуализации наказания при исполнении лишения свободы: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2005. 233 с.
14. *Вакарина Е.А.* Дифференциация и индивидуализация наказания и средства их достижения (уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2001. 210 с.

DIFFERENTIATION AND INDIVIDUALIZATION OF PUNISHMENT AS A PRINCIPLE OF THE PENITENTIARY LAW: THE PROBLEM OF INTERPRETATION IN MODERN SCIENCE

Russian Journal of Criminal Law, 2014, no. 2(4), pp. 53–58.

Chubraikov Sergey V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: chubraikov@mail.ru

Keywords: principles of penitentiary law, differentiation and individualization of punishment, equality of convicts, penal regulation.

The current Criminal Executive Code of the Russian Federation in Art. 8 fixed the list of principles of penitentiary legislation without revealing their content, in contrast to the RF Criminal Code. This, in turn, gave scope for doctrinal interpretation which is characterized not only by the diversity of approaches to the interpretation of the content of certain principles (which are cornerstones of a kind and must be perfectly clear and monosemantic), but also to the definition of the principles of what (branch of law, legislation, policy, regulation, or something else) they are, or even what the number of these principles is. The noted above can almost fully be attributed to the requirements to differentiation and individualization of punishment specified in Art. 8 of the RF Criminal Executive Code.

The paper deals with an understanding of differentiation and individualization of punishment as a principle of the penitentiary law. It examines the interpretation of the content of the principle that exists in modern professional literature on the topic, its attribution to the branch-specific or inter-branch principles; options to consider differentiation and individualization of punishment as a principle that consists of two requirements, or their assessment as two independent principles; questions of the relation of the correctional and criminal differentiation and individualization; the problem of correlation of the principle of differentiation and individualization of punishment with the requirements of equality of all before the law, etc.

The analysis of the available positions revealed that the literature on the topic does not have a generally accepted approach to this principle. The paper attempts to identify the reasons for this, as well as areas in the study of the relevant requirements of various scopes of punitive-educational impact to the inhomogeneous contingent of convicts, which can be evaluated as a principle of a legal phenomenon.

REFERENCES

1. Zubkov A.I. (ed.) *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo Rossii: teoriya, zakonodatel'stvo, mezhdunarodnye standarty, otechestvennaya praktika kontsa XIX – nachala XXI veka* [Penitentiary Law in Russia: theory, law, international standards, domestic practice in late nineteenth – early twenty-first centuries]. 3rd edition. Moscow, Norma Publ., 2005. 720 p.
2. Seliverstova *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo* [Penitentiary Law]. 3rd edition. Moscow, Yurisprudentsiya Publ., 2002. 368 p.
3. Brilliantov A.V., Kurganov S.I. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo Rossiyskoy Federatsii* [Penitentiary Law of the Russian Federation]. Moscow, TK Velbi, Prospekt Publ., 2007. 344 p.
4. Zubarev S.M. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo: Konspekt lektsiy* [Penitentiary Law: Lecture notes]. 3rd edition. Moscow, Yurayt-Izdat Publ., 2006. – 232 p.
5. Kislitsyn M.K. (ed.) *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo Rossiyskoy Federatsii* [Penitentiary Law of the Russian Federation]. Moscow, NORMA Publ., 2001. 272 p.
6. *Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации* [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation]. Moscow, Ekzamen Publ., 2005. 576 p.
7. Kalinin Yu.I. (ed.) *Postateynyy kommentariy k Ugolovno-ispolnitel'nomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii: po sostoyaniyu na 1 sent. 2007 g.* [Article-by-article commentary on the Criminal Code of the Russian Federation as of 1 September 2007]. Moscow, Ilekxa Publ., 2007. 728 p.
8. Kalinin Yu.I. (ed.) *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo: Uchebnik: V 2 t.* [Penitentiary Law: Textbook: In 2 vols.]. 2nd edition. Moscow; Ryazan: Logos; Academy of Law and Administration of the Federal Penitentiary Service Publ., 2006. Vol. 1, 444 p.

9. Antonyan E.A., Antonyan Yu.M., Borsuchenko S.A. et al. *Rossiyskiy kurs ugolovno-ispolnitel'nogo prava. V 2-kh t.* [Russian course of penitentiary law. In 2 vols.]. Moscow, Moscow State Law Academy named after O.E. Kutafin; Elit Publ., 2012. Vol. 1, 696 p.
10. Ugol'nikova N.V. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo Rossiyskoy Federatsii: Kurs lektsiy* [Penitentiary law of the Russian Federation: Lectures]. Moscow, INFRA M Publ., 2002. 185 p.
11. Sizaya E.A. *Printsipy ugolovno-ispolnitel'nogo prava: voprosy teorii i praktiki* [Principles of Penitentiary Law: Theory and Practice]. Cheboksary, ChKI RUK Publ., 2008. 384 p.
12. Prozumentov L.M. *Printsip differentsiatsii i individualizatsii ispolneniya nakazaniya v ugolovno-ispolnitel'nom prave RF* [The principle of differentiation and individualization of punishment in the penitentiary law of Russia]. In: Utkin V.A. (ed.) *Problemy teorii ugolovnogo nakazaniya i ego primeneniya* [Problems of the theory of criminal punishment and its application]. Tomsk, TML-Press Publ., 2009, pp. 11–14.
13. Zvereva O.N. *Realizatsiya printsipa individualizatsii nakazaniya pri ispolnenii lisheniya svobody*. Diss. kand. yu. n. [The implementation of the principle of individualization of punishment in the performance of imprisonment. Law Cand. Diss.]. Rязань, 2005. 233 p.
14. Vakarina E.A. *Differentsiatsiya i individualizatsiya nakazaniya i sredstva ikh dostizheniya (ugolovno-pravovye i ugolovno-ispolnitel'nye aspekty)*. Diss. kand. yu. n. [Differentiation and individualization of punishment and the means to achieve them (penal and penitentiary aspects). Law Cand. Diss.]. Krasnodar, 2001. 210 p.